

Что значит, что Бог суверенен?

Ключевые вопросы

Р. Ч. СПРОЛ

Роберт Спрол

Что значит, что Бог суверенен?

Перевод с английского

Благая весть
Самара, 2025

УДК 321.5
ББК 86.37-4
С 74

Robert C. Sproul
What Does It Mean That God Is Sovereign?

Переводчик: А. Аубакиров
Редактор: К. Такнова
Научный редактор: А. Аубакиров
Верстка и дизайн обложки: М. Литвинова

Спроул Р.

С 74 Что значит, что Бог суверенен? : пер. с англ. / Роберт Спроул; Самара : Благая Весть, 2025. — 88 с.

ISBN 978-5-7454-1958-4

УДК 321.5
ББК 86.37-4

Цитаты из Библии, если не указано иное, даны по Синодальному переводу. Цитаты по изданию «Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа» (пер. с греч. под ред. епископа Кассиана. М.: Рос. библ. о-во, 2001) помечены «Кассиан». Цитаты по изданию «Библия: Новый перевод на русский язык» (4-е изд. Б. м.: Международ. библ. о-во, 2014) помечены «НРП».

Originally published by Ligonier Ministries
421 Ligonier Court, Sanford, FL 32771
ru.Ligonier.org

Translated by permission. All rights reserved.

Originally published in English under the title:
What Does It Mean That God Is Sovereign?

© 2021 by the R.C. Sproul Trust

© 2025 Благая весть

СОДЕРЖАНИЕ

1	Божья суверенность над ничем	5
2	Божья суверенность над творением	17
3	Божья суверенность над спасением	33
4	Божья суверенность над поступками человека	53
5	Божья суверенность над проповедью Евангелия	71

Глава первая

Божья суверенность над ничем

Название этой главы может вызвать недоумение. Божья суверенность над ничем? Разве это не означает, что Бог не суверенен? Но ведь Божья власть распространяется на все. Чтобы понять, что имеется в виду под «суверенностью Бога над ничем», нам нужно вернуться к началу, к первой главе Бытия:

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

” *И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы.*

И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. (Быт. 1:1–7)

И так продолжается повествование книги Бытие — день за днём, отрывок за отрывком, раскрывая величайшую из всех тайн: творение всего сущего суверенным Богом. Августин, епископ Иппонийский, называл это творением *ex nihilo*, то есть из ничего.

Нам, может быть, и легко сказать, что Бог творит *из ничего*, но осмыслить этот акт творения — выше нашего понимания. Уже само понятие «ничего» ускользает от человеческого восприятия. Что есть «ничего»?

Это — ничего. Проблема с «ничем» в том, что, когда мы говорим «ничего нет», мы впадаем в логическое противоречие: глагол «нет» — это отрицательная форма глагола «есть» (который, в свою очередь, является формой глагола «быть» — прим. пер.), а как раз «бытия» «ничто» не имеет. Поэтому мы не можем говорить о «ничём»; мы

не можем сказать: «ничего нет» или «ничего не было», потому что, говоря о «ничём» как о чём-то, мы тем самым приписываем ему существование, в то время как *«ничего» не существует*.

Когда мы говорим о *ничём*, мы используем термин, имеющий богатую историю в древней богословской и философской традиции — «путь отрицания». Это метод определения, при котором что-то описывается не через то, чем оно *является*, а через то, чем оно *не является*.

В богословии мы постоянно используем этот подход. Например, говоря, что Бог бесконечен, что мы имеем в виду? Что Он не ограничен. Говоря, что Бог неизменен, мы имеем в виду, что Он не подвержен переменам.

Говоря *ничего*, мы используем путь отрицания и проводим различие между *чем-то* и его отрицанием. Итак, отрицание *чего-то* или *отсутствие* чего-то — вот, что мы подразумеваем под «ничем». Отсутствие чего? Если это онтологическое отрицание, то ничего означает отсутствие бытия.

И ничто так ярко не выражает святость и величие Бога, как идея о том, что Бог суверенен даже над ничем. Это означает, что Бог в Своем величии

обладает бытием в Себе Самом, вечно, независимо, без всякой опоры на материю, энергию или что-либо вне Себя.

Попробуйте сделать то, что пытаются сделать каменные мыслители: подумать о ничём абстрактно. Представьте, что когда-то не существовало *ничего* — абсолютное ничего, когда всё, что «было» (даже это слово неуместно), было сокрыто во мраке. Вселенная была чистым вакуумом, совершенно пустым и лишённым всякой реальности. Абсолютное ничего.

Если когда-то действительно было время, когда ничего не существовало, что было бы сегодня? Ничего. Потому что основополагающий принцип логики и науки гласит: *ex nihilo nihil fit* — «из ничего ничто не возникает». Если бы когда-то было абсолютное ничего, то ничто и осталось бы. Ничто было бы неизменно ничем. Не было бы ни малейшей возможности появления чего-либо.

Я не верю, что существование Бога можно доказать просто доводами, имеющими некоторую степень вероятности. Я верю, что существование Бога можно доказать достоверно и неоспоримо посредством одного лишь здравого смысла. Если

вы признаёте, что существует хоть что-то — кусок мела, ботинок — значит, нечто должно *быть*. А значит, должно существовать нечто, обладающее способностью быть само в себе — тем, чем не обладаем ни вы, ни я. Если что-то существует, то где-то, как-то оно должно иметь то, что обладает, по выражению Фомы Аквинского, «необходимым бытием» — не полученным, не зависимым, а приущим самому себе. И если что-то должно необходимо и неотъемлемо *быть*, то такое бытие должно быть вечным.

«В начале...» Вечность не имеет начала. Бытие начинается с утверждения не о начале вечности, а о начале времени; не о начале Бога, а о начале сотворённого. Почему? Потому что Бог безначален. Вечность не имеет начала. Но предположим, что у Бога было начало. Что тогда было до Бога? Ничего. И вот тогда мы говорили бы о «суверенности ничего» (если бы мы вообще могли говорить). Но мы бы не говорили — потому что нас бы не было. Если бы когда-то было ничто, то что было бы сейчас? Ничего.

Значит, чтобы говорить о начале чего бы то ни было, должно существовать нечто, бесконечно

выходящее за рамки этого «ничего» — Тот, Кто вечно есть в начале — Бог.

Я не желаю пуститься в интеллектуальные игры с абстракциями. Речь идёт о самом сердце христианской веры. Вопрос о сотворении — один из самых спорных в наше время. И христиане не могут просто позволить себе принимать его как должное. Люди могут сколько угодно спорить о том, как долго длилось сотворение и каким оно было, но основной вопрос по сей день: действительно ли оно произошло?

Множество образованных людей говорят, что на самом деле было время, когда ничего не существовало — и вдруг раз! — что-то появилось. Это интеллектуальное безумие. И всё же ему удалось обрести научный статус. Не менее абсурдна и идея о том, что вся энергия Вселенной была сжата в бесконечно малую точку, пребывала в инерции целую вечность, а затем внезапно, без всякого внешнего воздействия, это инертное нечто взорвалось.

Апостол Павел обращался к философам в Ареопаге со словами, что то, что открывает нам Библия на первой странице Ветхого Завета, природа громко провозглашает всем своим существом — и они

должны понять, как понимали даже языческие философы, что «в Нем мы живём и движемся, и существуем» (Деян. 17:28, Кассиан).

В древнем мире философы сталкивались с тремя трудными, «колючими» вопросами. Первый из них — это вопрос движения. Реально ли движение или это всего лишь иллюзия? Зенон Элейский выступал против идеи реальности материальных объектов, утверждая: если материя существует, значит, она должна быть бесконечно делимой. То есть я могу взять кусок мела, сломать его пополам — и у меня получится два куска. Затем я могу сломать каждый из них пополам — и так далее. Как долго можно повторять этот процесс? По словам Зенона — бесконечно.

Затем он применил эту идею к движению. Он рассказал историю про Ахиллеса и черепаху. Ахиллес — легендарный греческий атлет, самый быстрый бегун на свете, собрался участвовать в забеге против черепахи. Поскольку все понимали, что черепаха не обладает ни скоростью, ни ловкостью Ахиллеса, было решено сделать гонку более справедливой — и дать черепахе небольшое преимущество на старте. Гонка началась. Ахиллес

мчится к точке, где находится черепаха. Но, разумеется, прежде чем он достигнет черепахи, он должен сначала преодолеть половину расстояния до неё, верно? А чтобы пройти оставшуюся половину, он снова должен пройти половину от этой половины. И так далее. Если придерживаться такой логики, сколько времени понадобится Ахиллесу, чтобы догнать черепаху? Он её никогда не догонит.

Первый большой вопрос, которым задавались философы: «Что есть движение?» Следующие два: «Что есть жизнь?» и «Что есть бытие?» Это были три великие тайны древности. И вот мы живём сегодня — и всё ещё не знаем, что есть бытие, что есть жизнь и что есть движение. Всё, что нам известно — это то, что эти элементы необходимы для человеческого существования, и мы даже не можем говорить ни о чём без доли понимания движения, жизни и бытия.

Пока философы вели об этом споры, апостол Павел говорил им о Том, Кто вечен, Чья сила — непостижимо велика, Чья суверенность так велика, что Он выходит за пределы самого бытия, движения и жизни, потому что без Него ничто не может существовать, и без Него ничего не может

двигаться. Точка сингулярности, существующая в вечности, никогда не взорвётся сама по себе. Она останется вечно неподвижной, если только на неё не подействует внешняя сила, обладающая способностью к движению. Что-то должно обладать способностью двигаться в себе самом. Что-то должно обладать жизнью в себе самом. Что-то должно обладать бытием в себе самом, или просто-напросто ничто не сможет двигаться, ничто не сможет жить, ничто не сможет существовать.

Бывают моменты, когда вы можете сомневаться в суверенности Бога или даже в самом Его существовании. Иногда вы можете чувствовать то же, что чувствовал Фридрих Ницше — будто конечный ответ на весь вопрос бытия — ничего, *nihil*. Но если когда-нибудь вас постигнет искушение думать, что ничто торжествует над бытием — просто пошевелите пальцем.

Помните это. Каждый раз, когда вы сомневаетесь в своём предназначении как христианина, каждый раз, когда вы сомневаетесь в торжестве суверенного Бога над хаосом, пустотой и тьмой, о которых говорится в первой главе Бытия — пошевелите пальцем.

О чем это должно вам напомнить? О движении, о жизни, о бытии. Вы не смогли бы пошевелить пальцем, если бы не существовало источника движения, если бы не существовало источника жизни, если бы не существовало источника бытия. Если вы способны пошевелить пальцем — значит, Бог суверенен. Всё настолько просто, потому что без Суверенного Бытия нет никакого бытия. Без Суверенного Бытия нет жизни. Без Суверенного Бытия ничто не может двигаться. Так просто и так глубоко.

Некоторые исследователи Ветхого Завета любят указывать на то, что образы из первой главы Бытия перекликаются с мотивами древней мифологии. Вавилонские мифы, например, описывают исконную дуалистическую борьбу между силами порядка и силами хаоса. Но в Бытии, как и во всём Ветхом Завете, мы не видим вечного противостояния равных по силе противоположных начал, запертых в бесконечной битве. Мы видим триумф вечного Бога над всяким злом, которое только можно вообразить. В этом заранее оформленном, заранее устроенном, заранее наполненном творении, которое Бог вызывает к существованию, Дух Божий воспаряет над первозданными водами, над бездной.

Мы встречаем тот же самый образ в Новом Завете, когда Дух Святой говорит Марии через ангела: «Дух Святой найдёт на Тебя, и сила Всевышнего *осенит* Тебя; посему и рождаемое Святое наречётся Сыном Божиим» (см. Лк. 1:35).

Это тот же язык. Язык превосходящей всякое понимание силы Бога, Который парит над тьмой, пустотой, бездной, над ничем. И тогда Он произносит: «Да будет свет». Звучит Божественное распоряжение. Изрекается Божественное установление, и силой Слова Всемогущего загорается свет, океан наполняется жизнью, движение и бытие наполняют Вселенную — благодаря великому Богу на небесах, который обладает силой бытия в Самом Себе, и Один способен вызывать к жизни миры из ничего, творить жизнь из смерти, движение — из полной инертности, и бытие — из ничего.

Один лишь взгляд на творение должен повергнуть нас на колени. В творении отражаются невыразимое величие, суверенность, владычество, сила и слава. Таков наш Бог, без Которого мы не смогли бы даже пошевелить пальцем. Но именно потому что мы можем пошевелить пальцем, мы знаем: существует Бог небес.

Глава вторая

Божья суверенность над творением

Пять раз в 45-й главе Книги пророка Исаии и намного чаще во всей книге Бог ясно и категорично произносит слова: «Я — Господь» или «Я, Господь»:

» *«И отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев. Ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранного Моего, Я назвал тебя по имени, почтил тебя, хотя ты не знал Меня. Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня; Я препоясал тебя, хотя ты не знал Меня, дабы узнали от восхода солнца и от запада, что нет*

кроме Меня; Я Господь, и нет иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это.

Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают правду; да раскроется земля и приносит спасение, и да произрастает вместе правда. Я, Господь, творю это.

Горе тому, кто препирается с Создателем своим, черепок из черепков земных! Скажет ли глина горшечнику: “что ты делаешь?” и твоё дело скажет ли о тебе: “у него нет рук?” Горе тому, кто говорит отцу: “зачем ты произвёл меня на свет?”, а матери: “зачем ты родила меня?”

Так говорит Господь, Святой Израиля и Создатель его: вы спрашиваете Меня о будущем сыновей Моих и хотите Мне указывать в деле рук Моих?» (Ис. 45:3–11)

Когда телескоп Хаббл был запущен в открытый космос, учёные были полны энтузиазма: они надеялись получить колоссальный объём новых данных, которые помогут пролить свет на начало творения и раскрыть тайны устройства Солнечной системы и даже дальше.

В день запуска я слушал одного из самых известных астрофизиков Америки, который заявил, что шестнадцать–восемнадцать миллиардов лет назад Вселенная взорвалась и начала свое существование. Я пробормотал, не обращая ни к кому в отдельности: «Шестнадцать–восемнадцать миллиардов лет назад Вселенная взорвалась и начала свое существование? Я думал, вы учёный, а не волшебник, который верит, что Вселенная возникла, как кролик из шляпы — только без шляпы и без фокусника».

Если в науке есть какой-то непоколебимый закон, то это *ex nihilo nihil fit* — «из ничего ничто не возникает». И основание этого закона в том, что нечто не может возникнуть из ничего по той простой причине, что это невозможно. Если было время, когда не было абсолютно ничего, никакого бытия, ни единой сущности — что бы существовало сейчас?

Если только вы не утверждаете, что вещи внезапно начинают существовать из абсолютного ничего, то единственный логичный ответ: сейчас ничего бы не было. Это старейший философский вопрос: почему существует что-то, а не ничто?

Чтобы понять это, не нужно быть инженером космических кораблей: если сейчас существует хоть что-то, значит, не могло быть такого времени, когда не существовало вообще ничего. Пусть даже это было шестнадцать–восемнадцать миллиардов лет назад — должно было быть какое-то бытие, иначе ничего бы не существовало и сегодня.

Библия ясно указывает, Кто является этим вечным, самосущим Бытием: Господь Бог, сотворивший всё. Он говорит: «Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня» (Ис. 45:5).

Падшее человечество понимает: если удастся устранить христианское учение о сотворении, если удастся вычеркнуть первый стих Ветхого Завета, то можно уничтожить всю иудейско-христианскую веру на корню — и тем самым наслаждаться свободой жить, как угодно. Нападки на учение о сотворении — это попытка падшего человека провозгласить свою независимость от Творца.

Почему?

Потому что библейский Творец имеет мало общего с Аристотелевой концепцией первопричины, или перводвигателя. Современные философы часто говорят, что вся история философской

мысли — это лишь примечание к размышлениям Платона и Аристотеля. Аристотель, как ранний учёный, понимал: чтобы объяснить наличие реальности, должна существовать причина, которая сама не имеет причины. Перводвигателю, непродвинутой причине, приписывалась роль создателя, но после акта творения этот создатель никак не участвует в жизни Вселенной.

Библейское учение резко контрастирует с этой идеей: всё, что Бог творит, Он и поддерживает. И более того — мы обязаны Богу Творцу не только самим фактом нашего существования, но и каждым мгновением этого существования. Иными словами, мы не сможем просуществовать даже следующие пять секунд без Божьей поддерживающей силы.

Всё, что Бог творит, — Он поддерживает и удерживает силой Своего могущества. Мы понимаем, что ничего не можем без поддерживающей силы Бога, как сказал апостол Павел афинянам в ареопаге: «Ибо в Нем мы живём и движемся, и существуем» (Деян. 17:28, Кассиан).

Если исключить Бога — исчезнет и жизнь. Если Бог исчезнет — исчезнет и всякое движение. Если

бы Бог умер — исчезло бы и всё бытие. Всё, что Бог творит — Он поддерживает. Всё, что Он творит, принадлежит Ему. А всё, что принадлежит Ему, подчинено Его власти.

Он владычествует над всем.

Иногда христиане путаются в вопросах предопределения и свободы воли, воспринимая их как противоположности. Но нам важно понимать: свободная воля — это не просто языческое понятие, хотя языческое её понимание получило широкое распространение и одобрение. Христиане тоже верят в свободную волю, но не в ту, что предлагает гуманизм или язычество. Одно из светских учений, глубоко проникшее в церковь сегодня, — это гуманистическое учение о человеческой свободе, согласно которому даже в своём падшем состоянии человеческая воля нейтральна и одинаково способна склоняться как к добру, так и ко злу. Но такая концепция игнорирует библейское откровение: хотя у человека есть способность выбирать, его воля находится в рабстве греха. Только сила Бога Духа Святого способна освободить нас от этого рабства, от духовной смерти и внутреннего паралича.

Мы должны черпать своё понимание человеческой воли не из мирской культуры, а из Слова Божьего. Мало того, что в этом вопросе у нас часто возникает нехватка библейской ясности, так еще и языческий мир внёс в наше мышление идею о том, что этот мир функционирует сам по себе, в соответствии с внутренними независимыми законами природы и физики.

Согласно этой идее, Вселенная функционирует из мгновения в мгновение благодаря собственной силе, без участия трансцендентной суверенной силы Бога, которая позволяет ей существовать и управляет ей.

Но, например, я не могу поднять руку без силы Божьей. Всё, что я могу сделать правой рукой — любая реализация моей воли — в лучшем случае вторична в своем причинном выражении. Всё, что я совершаю в этом мире, я совершаю под действием и благодаря трансцендентной суверенной силе Бога.

Некоторые говорят: Бог суверенен, но Его суверенность ограничена человеческой свободой. Но если бы это было так — тогда кто действительно суверенен? Бог дал нам определённую

меру свободы, но наша свобода всегда и во всём ограничена свободой Бога. Суверенен Бог, а не мы сами по себе, и Его суверенность распространяется на всё: не только на сотворение мира, но и на то, чтобы его поддерживать и управлять им. А то, что мы называем законами природы, — это лишь описание обычных процессов, посредством которых Бог в Своей суверенности управляет сотворённым миром.

Если хотя бы одна непокорная молекула во всей Вселенной ускользает от суверенного контроля Бога, у нас нет никаких оснований доверять ни одному Божьему обетованию о будущем — потому что именно эта одна-единственная молекула может разрушить все Божьи планы. Но благодарение Богу — от Божьего суверенного правления не скроется ни одна непокорная молекула.

Однажды меня пригласили преподавать курс по богословию Вестминстерского исповедания веры в семинарии. Когда мы дошли до раздела о вечных постановлениях Бога, студенты привели на занятие своих друзей, которые не придерживались Реформатского богословия. И вот перед этой группой заинтересованных семинаристов я прочитал — без

всяких пояснений — первые строки из соответствующего раздела исповедания: «Бог от вечности по Своей свободной и неизменной воле постановил всё, что происходит» (ВИВ 3.1). Затем я задал вопрос: «Кто из вас верит в это? Кто верит, что Бог вечно и неизменно определяет всё, что бы ни происходило?»

Я преподавал в реформатской семинарии, так что неудивительно, что 175 студентов подняли руки. В любой другой семинарии это было бы поразительно. Но при этом около семидесяти пяти студентов руки не подняли.

Тогда я спросил: «Кто из вас считает себя атеистом?» Ни один студент не поднял руку. Я сказал: «Вот чего я не понимаю. Вы не согласились, что Бог определяет всё происходящее. И в то же время вы не считаете себя атеистами. Но если Бог не определяет всё происходящее, то Он не суверенен. А если Бог не суверенен, тогда Он не Бог».

После этого мы внимательнее рассмотрели, что на самом деле говорит Вестминстерское исповедание веры. Оно далее поясняет, что вторичные причины не исключаются, и воля человека не подвергается принуждению. Бог не автор греха, и Он

не совершает грех. За много веков до этого Августин говорил, что, если мы христиане, верующие в суверенного Бога, то мы обязаны признать, что в каком-то смысле Бог определяет всё происходящее.

Некоторые спешат привести понятие «попустительной воли» Бога, или попущения Божьего. Это понятие было введено как попытка избавить Бога от ответственности за те вещи, которые нам не хочется Ему приписывать. Но Бог знает, что произойдёт, до того, как это произойдёт. Он знает, что я скажу, ещё до того, как я это скажу. Он знает, что я сделаю, прежде, чем я это сделаю. Имеет ли Бог силу остановить меня? Имеет ли Он право остановить меня, если пожелает? Если Он попускает мне совершить грех — значит, Он так решил. А если Он решил попустить, значит, счёл это мудрым, иначе Он не попустил бы, ведь Он премудро во всем — в том числе и в Своей суверенности.

В 37-й главе Бытия говорится о братьях Иосифа, которые были виновны и полностью ответственны за грехи, совершённые против него — за предательство и коварство, заставившие его прозябать в темнице оторванным от своей семьи.

Но позже Иосиф скажет им: «Вы умышляли против меня зло, но Бог обратил это в добро» (Быт. 50:20).

Библия ясно говорит: мы никогда не должны называть зло добром, а добро злом (Ис. 5:20). Зло остаётся злом, и оно заслуживает Божьего возмездия. Но вместе с тем, то, что зло существует — это тоже благо, иначе его бы не было, поскольку всё находится в пределах Божьей суверенности — включая и наше зло, которое Он использует для исполнения Своих праведных целей. Тот факт, что Бог может быть вовлечён в катастрофические события или даже в злые поступки падших людей, становится предметом общественного обсуждения, когда происходят такие бедствия, как ураганы или землетрясения. Люди говорят: «Это просто природная случайность». Но даже страховые компании проявляют больше благоразумия — они называют такие события «деяниями Бога» (в юридическом употреблении в англоязычном мире так называют событие, вызванное отсутствием прямого действия человека — *прим. пер.*).

И если это сложно принять в случае природных катастроф, то тем более трудно поверить, что

Божья суверенность может стоять за бедствиями, вызванными человеческим злом.

После теракта 11 сентября некоторые христианские лидеры выразили мнение, что атаки стали судом Божиим за распущенность и моральное разложение Америки. Эти высказывания разозлили прессу, и от тех людей потребовали, чтобы они публично отказались от своих слов.

Для американского общества оказалось немислимым, что Бог может быть как-то вовлечён в подобное бедствие. Видимо, они никогда не читали 45-ю главу Исаии, где Бог говорит:

” Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня... Я Господь, и нет иного. Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это (Ис. 45:5–7).

После 11 сентября произошло две вещи. Во-первых, в сознании общества произошло пробуждение к осознанию реальности зла. В одночасье моральный релятивизм потерял свою власть, потому что люди стали свидетелями события, которое невозможно было рассматривать как морально

нейтральное — его неизбежно пришлось назвать невыразимым злом. Появилось новое признание самого понятия греха. Во-вторых, произошло возрождение интереса к идее о том, что Бог благословляет нацию. По всей стране — на окнах, на бамперах машин, повсюду — появился слоган: «Боже, благослови Америку».

Однако те же люди, которые молились о Божьем благословении, считали совершенно невозможным, что Бог может судить Америку. Но если вы молитесь, чтобы Бог благословил народ, то в этой молитве вы должны оставить место и для возможности, что Он может и не благословить, что, если Он способен принести нации мир и процветание, то Он также способен отнять это благословение — и даже привести бедствие и излить Свой гнев.

Наше представление о Боге опустилось до того, что мы представляем Его как вселенского посыльного, как небесного Санта-Клауса, который существует для того, чтобы удовлетворять наши потребности и давать нам благо, когда мы к Нему обращаемся, но мы не хотим склониться перед Его суверенностью, охватывающей абсолютно всё.

Обычно я говорю, что есть четыре сферы, в которых Бог проявляет Свою суверенность. Он суверенен над природой. Он суверенен над историей и человеческими делами.

Он суверенен в Своём праве налагать на Свои творения обязательства — говорить: «Не делай этого» и «Делай то». Верим ли мы, что Он действительно обладает этой суверенностью? Что у Него есть право требовать от нас повиновения и давать нам Свои заповеди?

Каждый раз, когда мы грешим, мы бросаем вызов Божьему суверенному праву повелевать нам, что делать.

Некоторые христиане верят, что Бог суверенен над природой, историей и моралью, но отрицают Его суверенность в области благодати. Они отказываются признать, что Бог имеет вечное и неотъемлемое право миловать того, кого пожелает.

Хочу завершить словами из Послания к Римлянам 11:36:

» Ибо всё из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь.

2. Божья суверенность над творением

Из Него — Он источник, автор всего доброго, истинного, прекрасного и реального. *Им* — это означает, что всё совершается силой Его суверенной власти и действия. Всё не только исходит от Него, но и совершается Им. *К* Нему — цель всего не во мне. И не в вас. Цель всего — в Нём. Всё из Него, Им и к Нему — или, можно сказать, *для* Него. И завершается это всё славословием: «Ему слава во веки».

Soli Deo gloria — только Богу слава.

И каждый раз, когда мы умаляем полноту Божьей суверенности над всем сущим, мы тем самым лишаем Его славы.

Глава третья

Божья суверенность в спасении

Ближе к концу своей жизни Августин Иппонский написал малоизвестное произведение под названием *Retractationes*, или «Пересмотры». «Пересмотры» находятся на последних страницах газет и журналов и признают ошибки, допущенные в предыдущих публикациях. Чаще всего они напечатаны мелким шрифтом там, где их мало кто разглядит — ведь нам всегда неловко признавать ошибки.

Однако Августин не скрывал своих ошибок и открыто публиковал исправления. К старости он тщательно переосмыслил то, что писал ранее,

и понял, что некоторые из его прежних высказываний были не совсем точны.

И я понимаю, что давно уже сам должен был опубликовать собственные богословские «пересмотры» — и сейчас хочу высказать одно значимое богословское исправление.

Когда я стал христианином в 1957 году, будучи первокурсником в колледже, меня прикрепили к одному профессору, который должен был быть моим научным руководителем. Он был кальвинистом. У него была не только докторская степень по философии университета Пенсильвании, но и степень магистра Вестминстерской богословской семинарии.

На протяжении четырёх лет — подобно небесной гончей — он неустанно убеждал меня принять Реформатскую веру и признать истинность кальвинистского богословия. Но я упорно сопротивлялся. И, окончив колледж спустя четыре года после обращения, я всё ещё твёрдо и решительно оставался приверженцем полупелагианства. Даже в семинарии я сумел устоять против аргументов доктора Джона Гёрстнера как минимум в течение года — и прожил первые пять лет своей христианской

жизни, не соглашаясь с библейским учением о предопределении.

А потом я прочитал труд Джонатана Эдвардса «*О свободе воли*» и решил глубоко разобраться с темой Божьей суверенности. Я последовал совету, который сам себе однажды написал на карточке и прикрепил над рабочим столом во время учёбы в семинарии: «Ты обязан верить всему, утверждать, преподавать и проповедовать всё, чему учит Библия, а не то, чему тебе хотелось бы, чтобы она учила». И тогда я, наконец, уступил и принял суверенность Бога во всей её полноте.

Сначала, словно израильтяне в пустыне, я принял учение о предопределении неохотно, с ропотом и сомнением. Я сказал: «Ну ладно, Библия действительно этому учит». Но я не добавил ту пугающую фразу посередине, которую мы нередко слышим в современной евангельской среде: «Библия говорит — я в это верю — и этого достаточно».

Нет. Когда я понял, что Библия на самом деле так учит, стало неважно, верю я в это или нет — этого было достаточно. Истина Божья никогда не зависит от того, признаю ли я её истинность.

У Бога есть чувство юмора — и Ему свойственно действовать через особую форму поэтической справедливости. Он сделал меня учителем кальвинизма для мира, который яростно сопротивлялся ему — в той же самой степени, в какой прежде сопротивлялся я сам. И именно потому, что я так яростно и долго этому противился, мне приходилось всякий раз, когда я встречал человека, который отчаянно отбивался от библейского учения об избрании, говорить себе: «Роберт, будь терпелив. Ведь ты сам когда-то на этом стоял — и ты сражался против этого учения так упорно, как только мог. Как ты можешь осуждать того, кто изо всех сил борется с учением о предопределении?»

И поэтому, стараясь проявить терпение и сочувствие к дорогим друзьям, которым было особенно трудно принять учение о предопределении, я изо всех сил пытался быть чутким. Обычно я начинал разговор с таких слов: «Какое же трудное, сложное и таинственное это учение о предопределении. Это истина, к которой мы должны подходить с величайшей осторожностью и вниманием, стараясь не ранить и не задеть никого своей нечуткостью». Я мог долго говорить о том, как сложно прийти

к ясному пониманию этого учения. И вот в таком подходе — такой манере — я сегодня исповедуюсь и отрекаюсь от него. Недавно я читал подробное толкование Кальвина на 6-ю главу Евангелия от Иоанна и на 9-ю главу Послания к Римлянам, где он — как и Августин — как будто между прочим отмечает, что учение о предопределении изложено в Священном Писании. И в какой-то момент меня поразило: все эти годы я говорил людям, что это учение трудно разглядеть в Библии, и что я понимаю, почему нам сложно его принять.

Все эти годы я не осознавал, что, стараясь быть как можно более аккуратным с людьми, я тем самым клеветал на Святого Духа. Я обвинял Бога в неясности, в том, что Он выразился недостаточно понятно в отношении учения, которое Мартин Лютер называл *cor ecclesiae* — «сердце церкви». Когда я снова обратился к этим текстам Писания, я сказал себе: «Как Иоанн, передавая нам учение Самого Господа, мог бы ещё яснее выразить абсолютную зависимость падшего человека от предстоящей, суверенной благодати Божьей, которая приводит нас к вере? Разве учение о безусловном избрании можно было бы изложить ещё проще,

яснее и убедительнее, чем это сделал апостол Павел в 9-й главе Послания к Римлянам?»

Когда мы говорим о суверенности Бога, что именно мы имеем в виду? Речь идет не просто о том, что Бог — большой начальник, что Он управляет всем Своей трансцендентной властью. Когда речь идёт о божественной суверенности, мы должны рассматривать её в разных гранях и аспектах.

Первое, что мы имеем в виду, говоря о суверенности, — это *сила* Бога. Утверждая, что Бог суверенен, мы говорим, что Его сила превышает всего существующего, и нет такой силы — ни на небе, ни на земле — которая могла бы ей противостоять. Если бы вдруг возник конфликт между Его силой и какой-то меньшей силой — результат не подлежал бы никакому сомнению. Сила Бога абсолютна. Его сила суверенна.

Во-вторых, когда мы говорим о Божьей суверенности, мы имеем в виду Его *власть* — Его внутреннее, присущее Ему право налагать на Своих созданий обязательства, ограничивать нашу совесть, провозглашать наш долг, говоря: «Не делай этого» и «Делай то». Бог обладает суверенной властью надо мной. И если возникает конфликт между тем,

чего хочу я, и тем, что повелевает Бог, у кого тогда власть? Среди христиан это не должно вызывать споров. Бог обладает суверенной властью, и эта власть никак не зависит от моего согласия или подчинения.

Мы верим, что Бог суверенен в Своей *силе*. Мы верим, что Бог суверенен в Своей *власти*. Но вот где находится точка напряжения: суверенен ли Бог в Своей *благодати*? Определяет ли Он от создания мира, кто будет искуплен, или же решающий фактор нашего спасения находится в нас, а не в Нём?

В конечном счете от кого зависит спасение? От Господа или от человека? Это плод Его благодати, который раздается по суверенной воле, или результат действия нашей человеческой воли? Пелагианство и гуманизм всегда настаивали: решающее, ключевое значение имеет воля человека. Но это не христианство. Это посягательство на суверенность Божьей благодати.

Сегодня церковь оказалась в смертельных тисках древней пелагианской ереси, которая отбрасывает тень на сияние славы Божьей суверенной благодати.

Если вы не верите в суверенность благодати, умоляю вас: покайтесь и возвратитесь к Богу, который по Своей одной лишь милости, без всякого взгляда на вашу праведность, заслуги или готовность, от создания мира, по Своей благодати и по единому Своему благоволению, избрал вас — как дар — ради Своего Единородного Сына.

Одна из важнейших книг, когда-либо написанных в христианской традиции, — это трактат «*О рабстве воли*» Мартина Лютера. Чтение этой книги — настоящее удовольствие. Она остроумна, ясна, пронизательна. Мы знаем, что в центре Реформации стояла дискуссия: «Как несправедный человек может быть оправдан перед Богом?» Как мы получаем спасение? Это был не второстепенный вопрос, не «много шума из ничего». Лютер был прав, когда говорил, что вопрос оправдания — это учение, на котором стоит или из-за которого рушится церковь. И это учение, на котором вы будете стоять или из-за которого вы падете.

Тесно связанный с учением об оправдании по вере, *sola fide*, стоит принцип «только благодатью» — *sola gratia*. Принцип *sola fide* не может быть понят правильно, если не рассматривать его

в тесной связи с более широким принципом — *sola gratia*. Каков источник и природа веры? Откуда берется вера? Вера — это Богом дарованное средство, благодаря которому принимается Богом дарованное оправдание, или же это *условие*, выполнение которого возложено на человека? Является ли вера частью Божьего дара спасения, или это вклад самого человека в своё спасение? Проистекает ли наше спасение полностью от Бога, или в конечном итоге полностью зависит от того, что мы делаем сами?

Те, кто утверждает последнее, — как это делали (и продолжают) арминиане, — отрицают полную беспомощность грешного человека и фактически подтверждают, что такая форма полупелагианства всё же истина. Неудивительно, что позднейшее реформатское богословие осудило арминианство как, по сути, возвращение к Риму. По существу, оно превращает веру в заслугу, а значит — предаёт саму суть Реформации, потому что отрицает суверенность Бога в спасении грешников, а это и было глубочайшим богословским и духовным основанием всей реформаторской мысли. Арминианское богословие, которого сегодня придерживаются подавляющее большинство евангельских христиан,

противостоит как Божьей суверенности, так и главенству благодати.

Апостол Иоанн писал: «Иисус же сказал им: Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда. Но Я сказал вам, что вы и видели Меня, и не веруете» (Ин. 6:35–36). Это сказал не Кальвин. Это сказал не Лютер. Это сказал не Августин и не Эдвардс. Это сказал Иисус.

» *Все, что дает Мне Отец, ко Мне придет; и приходящего ко Мне не изгоню вон (ст. 37).*

Возлюбленные, Иисус не сказал: «Те, кто придут ко Мне, будут даны Мне Отцом». Наш Господь говорит, что все, кого Отец даёт Сыну, приходят к Сыну. Каждый. Всякий человек, которого Бог Отец даёт Богу Сыну, приходит к вере в Сына. И причина, по которой он приходит к вере в Сына, в том, что Отец приводит его к этой вере.

Вы же понимаете, что арминиане и полупелагиане не могут обойти стороной учение о предопределении, потому что это — библейское слово? Это библейская истина, она прямо изложена в Новом

Завете. Если вы хотите быть верным Писанию, вам неизбежно нужно иметь какое-то учение о предопределении, не так ли? Вопрос в том, какое учение верное?

Стандартная полупелагианская точка зрения такова: Бог смотрит вперёд в историю и заранее знает, кто в будущем скажет «да» на призыв Евангелия Христа, а кто скажет «нет». И на основании этого предвидения, или «предузнания», Бог избирает тех, кто скажет «да», быть Его детьми, а тех, о ком Он заранее знает, что они скажут «нет», — отвергает.

На самом деле, это вовсе не объяснение предопределения — это отрицание библейского учения о предопределении. Библейская точка зрения такова: если Бог смотрит вперед в историю на падших людей, мёртвых по грехам и преступлениям, на неисправимых преступников, находящихся в рабстве греха, чтобы увидеть, кто из них сам по себе обратится, начнёт тянуться и двигаться в сторону живого Бога, кого Он найдет?

Никого.

Если избрание основывается на предузнании Богом человеческих поступков, и если Божье

предузнание совершенно, то мы знаем точное число избранных: ноль. Потому что всё, что Бог видит, смотря в будущее — мёртвых по грехам и преступлениям людей, которые по природе своей враждуют с Богом, которые отказываются даже помыслить о Боге, не имеют ни малейшего стремления прийти ко Христу в своих каменных сердцах и нравственно неспособны прийти ко Христу без Божьего вмешательства.

А как же свободная воля? Разве у людей нет нравственной способности выбирать? Могут ли люди выбирать то, чего они хотят, если они мертвы по грехам и преступлениям? Конечно, могут. Если под «свободной волей» мы понимаем способность человека делать выбор в соответствии со своими желаниями, то да — у нас по-прежнему есть свободная воля, даже если мы духовно мертвы. На самом деле, проблема нашей духовной смерти не в том, что у нас нет свободной воли, а в том, что наша воля действительно свободна — свободна делать всё, что мы хотим. А хотим мы одного — убежать как можно дальше от всего, что связано с живым Христом, потому что мы свободны выбирать то, чего желаем, и не свободны выбирать то, чего не

желаем. А то, чего мы по своей природе не желаем, — это Бог.

А что, если я скажу, что обладаю нравственной способностью — без всякой помощи свыше, до возрождения — самостоятельно склонить себя к Богу усилием плоти? Есть ли у меня такая свободная воля? Совершенно точно — нет. Такой способности у нас нет.

Когда я изучал учение о предопределении, я переживал внутреннюю борьбу, читая Римлянам 9:13: «Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел». Павел учит, что до рождения Иакова и Исава, до того, как они совершили что-либо доброе или злое, провозглашается избрание, утверждённое по Божьему замыслу и воле. Далее Павел говорит: «Итак, помилование зависит не от желающего и не от подвизающегося, но от Бога милующего» (ст. 16). А я всё пытался удержаться за свою волю, за свой выбор.

Так, Бог сделал 99 процентов, а Роберт Спрол ухватился за оставшийся 1 процент. И этот решающий 1 процент — он и обеспечил мне вход в Царство, а не в ад. Он и убедил, и склонил Бога от вечности избрать именно меня.

Я был сокрушён силой Слова Божьего и осознал свою полную беспомощность в состоянии духовной смерти. Я снова и снова возвращался к 6-й главе Евангелия от Иоанна, сопоставляя ее с 9-й главой Послания к Римлянам. Я слышал, как Павел спрашивает: «Неужели неправда у Бога?» (Рим. 9:14) И он отвечает, цитируя слова Моисея, обращённые к Божьему народу в Ветхом Завете: «Кого миловать — помилую» (ст. 15). Нам это не нравится. Мы говорим: «Погоди, Боже. Если Ты проявляешь милость к одному, Ты должен проявить милость ко всем».

Почему Павел спрашивает: «Неужели неправда у Бога?» Вот что особенно поразило меня во время изучения. Если бы Павел здесь преподавал полупелагианское учение о спасении, откуда взялась бы такая реакция? С чего бы ему ожидать возражения, будто Бог несправедлив?

Вся система пелагианства как раз и построена на том, чтобы исключить любые обвинения в несправедливости со стороны Бога. Даже некоторые ученики Самого Иисуса не приняли того, что Он говорил об избрании и Божьей суверенности, и многие отошли от Него (Ин. 6:60–66). И тогда Иисус

спросил Двенадцать: «Не хотите ли и вы отойти?» (ст. 67) И что ответил Пётр? Разве он сказал: «Нет, Господи, я люблю доктрины благодати, они так вдохновляют мою плоть»? Нет. Пётр сказал: «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни» (ст. 68). Заметьте, в 6-й главе Евангелия от Иоанна, после того как Иисус сказал, что все, кого Отец даёт Ему, приходят к Нему (ст. 37), Он говорит и о природной неспособности человека: «Никто не может прийти ко Мне, если не привлечёт его Отец, пославший Меня» (ст. 44) — а потом повторяет ту же мысль, изменив одно слово: «Никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца» (ст. 65).

Полупелагиане считают, что в своём падшем, возрождённом состоянии человек всё же способен сам прийти ко Христу. Но наш Господь говорит: «Вы не можете». И мы действительно не могли. Он использует универсальное отрицание: «Никто не может». Он не говорит: «Никому не *позволено*», Он говорит: «Никто не может» — то есть не имеет силы, способности. Христос утверждает, что никто не обладает в себе самом способностью прийти ко Христу, если не будет выполнено одно

необходимое условие. И это условие — чтобы Отец привлёк его.

Когда арминиане читают: «Если не привлечёт его Отец», они понимают это так: Бог должен уговаривать, увлекать, заманивать, убеждать, завоевывать Своей привлекательностью. Никто не может прийти без такого «ухаживания». Но при этом арминианская предпосылка такова: если Бог внешне призывает людей прийти ко Христу, если Он старается убедить их в сладости и благодати Христа, то определённый процент людей отзовется на этот призыв и скажет «да».

Более точный перевод слова «привлечёт» — это «принудит» или даже «затащит». То же самое слово используется в описании того, как Павла и Силу бросили в темницу. Тюремщик не пытался уговорить их зайти в камеру добровольно — их затащили, принудили.

Один арминианский исследователь Нового Завета однажды указал мне на редкий случай в древнегреческой литературе, где тот же глагол используется, когда речь идет о том, как черпают воду из колодца. Он сказал: «Ну ведь мы же не тащим воду из колодца силой». Я ответил: «А как

мы, по-вашему, достаём воду из колодца? Мы что, уговариваем её подняться наверх? Вода — это же нечто инертное, лишённое жизни. И именно в таком положении находится душа человека в своём падшем состоянии — мёртвая и неподвижная, — и такой она останется, пока в неё не вдохнёт жизнь Сам Бог, пока Дух Святой не пробудит её извне, пока не заставит это каменное сердце забиться, запульсировать, как живое, плотяное. И тогда пелена спадает с глаз, и ты видишь сладость и славу Христа, и, после того как Дух Святой оживил тебя, нет ничего, чего бы ты жаждал больше, чем созерцать Христа».

Иисус выразил ту же мысль иначе: «Никто не может прийти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца». Смысл слов Иисуса в Евангелии от Иоанна, а также та мысль, которую Павел развивает в 9-й главе Послания к Римлянам и 2-й главе Послания к Ефессянам, заключается в следующем: всякий, кому Отцом дана способность прийти ко Христу, дан Отцом Христу. И всякий, кому дан дар возрождения, кто призван в глубине своей души, — тот по суверенной воле Божьей неизбежно приходит к вере в Иисуса Христа. Спасение —

от Господа. Вот в чём заключается истина о Божьей суверенности.

И за это мы воздаём Ему хвалу.

Я иногда спрашиваю своих арминианских друзей: «Почему ты веришь во Христа, а твои друзья — нет? Ты веришь потому, что ты сам по себе более праведен, чем те, кто не верит? Почему у тебя есть вера? Откуда она взялась? Твоя плоть произвела ее? Если да — тогда можешь хвалиться. Можешь предстать перед судилищем Божьим и сказать: “Я здесь потому, что однажды принял правильное решение”».

Или же мы можем сказать: «Когда я услышал Евангелие, я даже не знал, что тайная, трансцендентная, суверенная, действенная, сверхъестественная и мгновенная сила Твоего Святого Духа вторглась в мою душу, пробудила меня и оживила во Христе Иисусе. Когда было проповедано Евангелие, я услышал его ушами, которые уже были возрождены, увидел его глазами, которые были открыты, и принял его сердцем, которое уже ожило. Я буквально побежал к алтарю, чтобы принять моего Спасителя. Да, я избрал Его, и я избрал Его свободно — но не раньше, чем был воскрешён от

духовной смерти суверенной и сверхъестественной силой Святого Духа».

Единственная причина, по которой у нас есть вера, — в том, что она дана нам по благоволению Бога. Господу было угодно спасти вас от смерти — не потому, что Он увидел в вас какую-то праведность, а по Своей благой воле. И единственная причина, по которой Он это сделал, — ради славы Своего Сына, чтобы сделать Его первородным между многими братьями, и чтобы Господь увидел подвиг души Своей и успокоился. Вы — дар Отца Сыну. И единственная заслуга, учитываемая в этом великом действии, — это заслуга Сына, не ваша и не моя.

Свобода человека ограничена Божьей суверенностью (а не наоборот). Бог свободен, и вы свободны, но Он — свободнее вас, и когда возникает конфликт между Его свободой и вашей, угадайте, чья победит?

Когда мы, пусть даже с благочестивыми намерениями, говорим миру, что суверенность Бога ограничивается нашей свободой, мы тем самым утверждаем, что суверенны мы — а это уже богохульство.

Что значит, что Бог суверенен?

И если мы по-настоящему верим в суверенность Бога, то мы будем верить не только в то, что Он суверенен в Своей силе и власти, но также и в то, что Он абсолютно суверенен в Своей благодати.

Глава четвертая

Божья суверенность над человеческими поступками

Один из самых хладнокровных актов предательства и измены описан в конце Бытия. Иосиф, который был любимцем своего отца, был продан в рабство своими завистливыми и ревнивыми братьями. Они взяли его разноцветную одежду, измазали ее кровью животного и выдумали историю: будто Иосиф попался хищному зверю, который растерзал его на части. Но на самом деле они воспользовались ситуацией и продали его имаильтянам — кочевникам и торговцам, направлявшимся в Египет.

Спустя много лет, по Божьему провидению, Иосиф стал вторым человеком в Египте

и предусмотрительно приготовил страну к голоду.

Когда голод настиг Ханаан, Иаков послал своих сыновей в Египет за помощью — попросить запасов из хранилищ, чтобы прокормить семью. Они пришли ко двору фараона, где их встретил Иосиф. Иосиф узнал их, а они его — нет. Вскоре стало ясно: премьер-министр Египта — это тот самый брат, которого они предали.

И вот мы подходим к развязке: Иаков, узнав, что его сын жив, умирает. И теперь братья понимают, что отец их больше не защитит от мести брата.

Они в ужасе и не знают, как поступить.

» И увидели братья Иосифовы, что умер отец их, и сказали: что, если Иосиф возненавидит нас и захочет отомстить нам за все зло, которое мы ему сделали? И послали они сказать Иосифу: отец твой пред смертью своею завещал, говоря: так скажите Иосифу: прости братьям твоим вину и грех их, так как они сделали тебе зло. И ныне прости вины рабов Бога отца твоего. Иосиф плакал, когда ему говорили это (Быт. 50:15–17).

4. Божья суверенность над человеческими поступками

Братья признали, что Иосиф имел полное право ненавидеть их, потому что их поступок был отвратителен и достоин презрения. Они думали, что Иосиф захочет отомстить с той же яростью, с какой они, движимые завистью и ревностью, предали его много лет назад. Поэтому они молили о прощении и признали, что поступили зло. Иосиф плакал, слыша это признание, это раскаяние. Они исповедали, что поступили нечестиво, и это заставило Иосифа заплакать.

А теперь послушайте, что произошло дальше: «Пришли и сами братья его, и пали пред лицом его, и сказали: вот, мы рабы тебе» (ст. 18). Разве это не предвосхищает историю блудного сына в Новом Завете, который, прожив распутную жизнь, пришёл в себя и решил вернуться в дом отца? Придя с покаянием, он сказал отцу:

» *Отче! согрешил я против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим (Лк. 15:21).*

Он по сути сказал: «Я не прошу быть сыном. Я просто хочу быть в твоём доме. И я счастлив быть здесь как раб». Точно так же и братья Иосифа сказали:

«Мы согрешили против тебя. Мы не надеемся, что ты примешь нас как братьев. Мы — твои слуги».

Как отреагировал Иосиф? Он сказал: «Не бойтесь. Разве я Бог?» (Быт. 50:19, НРП). Вы пали ниц передо мной, словно я — сам Бог. Но я просто ваш брат. Я не на месте Бога. «Вы умышляли против меня зло» (ст. 20). Вы это признали. И я не собираюсь сглаживать углы. То, что вы сделали со мной, когда предали и продали в рабство, было невыразимым злом. Это не было случайностью. Вы точно знали, что делали. Вы замыслили это и намеренно совершили зло.

Словно Иосиф говорил своим братьям: «У меня было время поразмыслить над этим в последние несколько десятилетий. У меня было много времени в тюрьме, чтобы всё переосмыслить, и мне пришлось бороться с горечью, которая могла бы укорениться в моей душе из-за того, что вы со мной сделали. Но я осознал, что вы были не единственными участниками этой истории. Я понял, что суверенный Бог вселенной, Господь Бог Израиля, был лично и глубоко вовлечён в ваше злодеяние. Вы не смогли бы причинить мне вреда даже на секунду. Вы не смогли бы разбить мне

сердце и разорвать мои отношения с отцом. Вы не смогли бы передать меня в руки врагов и бросить в темницу даже на миг — если бы не суверенное Божье провидение. Потому что Божья суверенность присутствовала даже в ваших зверских поступках. Я верю в Бога, который во всём содействует ко благу любящих Его, призванных по Его изволению. И я верю, что Господь всей Вселенной имеет суверенную силу обратить даже ваше предательство во благо».

Братья не могли сказать: «Мы просто исполняли суверенную волю Бога. Ты не можешь злиться на нас за это. Мы даже не скажем, что это дьявол нас подтолкнул — это Сам суверенный Бог заставил нас тебя предать». Иосиф не оставил им такого выхода. Он ясно сказал, что они сделали зло. Он не назвал добро злом и зло добром. Он сказал им, что то, что они сделали, они замыслили во зло, исходя из злых намерений своих падших сердец. Но Бог задумал это во благо.

Божье намерение во всём этом было абсолютно праведным.

В Своей суверенности Бог обладает способностью и силой действовать через греховные

решения и нечестивые поступки Своих творений, чтобы исполнить Свою суверенную волю, которая совершенно праведна.

Апостол Иоанн уже показал, как это проявляется в Новом Завете: крест — это не случайность. Крест — это самое великое зло, когда-либо совершённое людьми.

Каиафа замышлял зло. Пилат замышлял зло. Фарисеи замышляли зло. Но над всеми этими человеческими намерениями, всеми решениями, выросшими из злых склонностей и побуждений падшей природы, Бог действовал, чтобы произвести благо.

В Бытии 50:20–21 Иосиф сказал: «Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей; итак не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших. И успокоил их и говорил по сердцу их» — не потому, что они желали ему блага, а потому, что Бог имел намерения во благо.

Старая пословица гласит: «Без гвоздя потеряли подкову. Без подковы — лошадь. Без лошади — всадника. Без всадника — весть. Без вести

проиграли сражение». Ключевой момент, определивший исход сражения, — это один-единственный гвоздь в подкове лошади. Незначительная деталь послужила решающей причиной поражения. А вы когда-нибудь задумывались, что привело ко кресту, к искуплению, к вашему спасению? Просто вернитесь немного назад во времени.

Всё начинается с разноцветной одежды. Если бы не она, братья Иосифа не позавидовали бы ему. Не было бы зависти — не было бы предательства. Не было бы предательства — Иосифа не продали бы в рабство. Не было бы ни Египта, ни Потифара, ни его жены. Не было бы тюрьмы. Не было бы заключения — не было бы и встречи с главным хлебодаром и главным виночерпием. Если бы Иосиф не встретил их, то никогда не оказался бы при фараоне. Он бы не стал вторым человеком после правителя Египта. Сыны Израиля не переселились бы в землю Гесем. Их бы не поработили. Не было бы Исхода. Не было бы нации. Не было бы десяти заповедей. Не было бы Царства Божьего. «Вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в добро», чтобы спасти многих. Это поразительно.

Как христиане, мы нередко сталкиваемся с вопросом: как совместить Божью суверенность с человеческой свободой?

Когда я только обратился ко Христу, меня тревожил этот вопрос. Мне казалось, что между Божьей суверенностью и человеческой свободой существует противоречие. Я думал: если Бог действительно суверенен, тогда человек не может быть по-настоящему свободным. А если человек действительно свободен, тогда Бог не может быть по-настоящему суверенным.

Проходя в колледже вводный курс по Ветхому Завету, я задал этот вопрос своему преподавателю. Он ответил: «Божья суверенность и человеческая свобода — как параллельные линии, которые сходятся в вечности». Тогда мне показалось, что это очень глубокий ответ, а мой преподаватель очень умён.

Позже я стал размышлять над его словами «параллельные линии, которые пересекаются в вечности». И я подумал: «Если эти параллельные линии пересекаются — будь то в вечности или в Нью-Йорке, или в Лондоне, или в Москве, или в Пекине — тогда они вовсе не параллельные.

Потому что, если линии по-настоящему параллельны, они не пересекутся».

И тогда я понял: на самом деле этот вопрос вообще не сложен. Он очень прост, без всякого противоречия. Без загадки. Есть Бог — Личность, и есть люди — личности. И когда мы говорим о разнице между ними, мы называем людей «человеческими существами», а Бога — «высшим Существом».

Каково же соотношение между человеческими существами и высшим Существом? Высшим может быть только один. Мы не называем людей «высшими существами». Бог — вот, Кто является высшим Существом. Бог — волевая Личность. Он обладает волей. Он обладает божественной способностью принимать решения и делать выбор. И мы, как Его творения, тоже обладаем способностью делать выбор.

Это часть нашей природы. Наш Творец наделил нас способностью выбирать, которую мы называем «*волей*». У нас есть способность принимать решения. И именно это волнует нас, когда мы говорим о свободе или свободной воле — способность делать выбор.

Эдмунд Гуссерль был важным европейским философом XIX века. Он основал философское направление, которое получило название «персонализм». Оно стремилось ответить на такие вопросы: что делает человека уникальным? Что определяет наше существование как человеческих существ? Что значит быть личностью, а не просто вещью?

Ответ Гуссерля заключался в том, что человек способен действовать намеренно. То есть мы можем осознанно задумать некую цель и сделать выбор, предпринять шаги для её осуществления. Гуссерль настаивал на том, способность делать выбор — это центральная часть человеческой природы.

Двое самых известных учеников Гуссерля — Жан-Поль Сартр и Мартин Хайдеггер. Оба были выдающимися атеистическими философами XX века и оба были глубоко озабочены темой человеческой воли. Сартр пришёл к выводу, что именно свобода человека выступает сильнейшим аргументом против существования Бога. Он рассуждал так: если человек действительно свободен, тогда Бог существовать не может.

И наоборот: если Бог существует, человек не может быть свободным. Таковы были альтернативы. Он утверждал: мы точно знаем, что свободны. Мы точно знаем, что мы нравственные, волевые существа. А значит, Бога быть не может.

Сартр утверждал, что свобода означает автономию. А если ваша свобода не возведена до уровня автономии — то есть «самозакона» или «самоправила» — то она не больше, чем мираж. Сартр говорил, что чтобы быть по-настоящему свободным, человек должен иметь автономию, а это значит не быть в конечном счёте подотчётным никому, кроме самого себя. Если я автономен, если я сам себе закон, тогда нет места для суверенного и всемогущего Бога, Который царствует на небесах и властвует над всем.

Если вы ищете поистине неразрешимое противоречие, которое невозможно преодолеть никакими умственными усилиями, — то это конфликт между Божьей суверенностью и человеческой автономией. Эти два понятия не могут одновременно сосуществовать во вселенной, так же как не могут одновременно существовать недвижимый объект и непреодолимая сила. Мы можем

представить себе силу, которую невозможно остановить, и можем представить себе объект, который невозможно сдвинуть с места. Но разум не в состоянии представить себе их одновременное существование.

Почему?

Если непреодолимая сила сталкивается с объектом, и объект движется, что это говорит об объекте? Что он не был недвижим. Если сила сталкивается с объектом, и тот не сдвигается, что это говорит о силе? Что сила не была непреодолимой.

Невозможно представить умом вселенную, в которой одновременно существуют суверенный Бог и автономное творение. Однако эта проблема возникает лишь тогда, когда человеческую свободу приравнивают к автономии. Библия не учит, что Бог даровал человеку автономию. Напротив, автономия — это незаконная, мятежная претензия творения, которому надлежит жить в послушании суверенному Богу.

Когда Бог поселил Адама и Еву в саду, Он не запретил им всё. Он не сказал, что им нельзя наслаждаться плодами деревьев. Он не сказал: «Не прикасайтесь ни к одному дереву, иначе умрёте». Это

4. Божья суверенность над человеческими поступками

дьявол сказал, будто бы так сказал Бог. Но Сам Бог этого не говорил.

В Эдемском саду мы впервые встречаемся с библейским пониманием свободы: «От всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь». При сотворении Бог дал человеку способность делать выбор, но эта способность не была безграничной. Она была ограничена.

Истина в том, что Бог свободен, и Его творения тоже обладают свободой, но Бог свободнее Своих творений.

Кажется, что это так просто пронять. Но люди продолжают говорить вещи вроде: «Суверенность Бога ограничена человеческой свободой». Это плохое богословие. Это богохульство. Если суверенность Бога ограничена нашей свободой, тогда кто действительно суверенен? Мы. И тогда наша свобода превосходит свободу Самого Бога.

Вот ещё одно распространённое высказывание: «Бог спасает столько людей, сколько может». Он хотел бы спасти всех, Он делает всё, что в Его силах, но, если бы Он попытался изменить чьё-то

сердце без разрешения, Он бы нарушил свободу воли этого человека, и потому Бог не может спасти вас, если вы сами этого не хотите. Но, например, по дороге в Дамаск Савл из Тарса вовсе не просил Христа спасти его. Когда Бог вторгся в мою жизнь по Своему суверенному благоволению и изменил мое сердце, я не искал Его. Я не просил Его прийти. Он вошел Сам. Таким же образом Он пришёл и к вам. Он не уничтожил мою свободу. Он возвысил её, потому что до этого момента я был рабом собственных греховных наклонностей.

Говоря о доктрине провидения, мы также говорим о доктрине совпадения — Божьи решения могут существовать одновременно с человеческими решениями, и Бог действует через выбор человека, не уничтожая саму реальность этого выбора. Он не лишил братьев Иосифа свободы выбора. Они сделали именно то, чего сами хотели. Бог не принуждал их, но использовал их свободные решения, чтобы осуществить Свою суверенную волю. Это поразительно.

Это прекрасно.

И я радуюсь, что моя свобода никогда не ограничивает Бога. Если я решаю поднять руку по

своей воле, значит, мой разум решил, что это нужно сделать, и это намерение передаётся телу — и я поднимаю руку. Но что, если Бог не желал, чтобы я поднял руку? Что, если бы Он суверенно постановил, что я не смогу этого сделать? Мог бы Он лишит меня такой возможности? Да.

Вестминстерское исповедание веры гласит: «Бог прежде вековых времен по изволению Своей в высшей степени мудрой и святой воли установил свободный и незыблемый порядок того, что произойдет. В то же время Бог не есть автор греха, над волей творения нет насилия, свобода или вероятность вторичных причин не устранены, но, напротив, утверждены» (3.1). Моя способность поднять руку — это реальная сила. Я могу проявить настоящую причинную силу, приняв решение достичь определённого результата — поднятия руки. Но всегда и во всём я живу, двигаюсь и существую в Боге, и я не могу даже поднять руку без первичной силы Бога.

Свободная воля не означает автономии. Она также не означает, что как творение вы обладаете способностью в равной мере склониться как к добру, так и ко злу. Бог говорит, что по своей

природе, во грехе, мы рабы. У вас по-прежнему есть воля, вы по-прежнему способны делать выбор, но ваши выборы — греховны. Вы нравственно не способны сами по себе, пока вас не подтолкнет Святой Дух Божий, сделать выбор в пользу святого.

Если бы Бог сказал: «Вот Я. Вот — Иисус. А здесь Иисуса нет. Выбирай», гуманист бы ответил, что у вас есть одинаковая способность выбрать Иисуса или отвергнуть. Но Иисус говорит: если такой выбор встаёт перед вами в вашем грехе, в вашей испорченности, в состоянии духовной смерти, то вы не выберете Иисуса, потому что *не можете* выбрать Иисуса. А не можете вы выбрать Иисуса, потому что *не хотите* Его выбирать. Вы не можете выбрать то, чего не хотите. Выбор — это всегда выбор того, чего вы больше всего хотите в данный момент. Каждый когда-либо сделанный вами выбор имел за собой какую-то мотивацию. Это ваше желание, не чужое. Вы ни разу в жизни не делали того, чего не желали.

В одном старом скетче с Джеком Бенни на сцену выходит человек с пистолетом и говорит: «Деньги или жизнь». Бенни молчит, а грабитель

4. Божья суверенность над человеческими поступками

повторяет. Бенни отвечает: «Я думаю». Грабитель не заставляет вас отдать деньги — он просто сводит доступные варианты к двум и оставляет вам выбор: отдать деньги или умереть. Вы сделаете выбор в соответствии с самым сильным побуждением, которое у вас есть в данный момент.

Так и работает человеческий выбор — и Бог это знает. И Бог обладает и мудростью, и силой, чтобы действовать через наши желания, исполняя Свой замысел. Даже когда наши желания целиком и полностью злы, Бог может действовать через них — и действительно действует — чтобы достичь Своих благих целей. «Вы умышляли против меня зло, но Бог обратил это в добро».

Мы должны всегда помнить, кто суверенен, а кто нет.

Глава пятая

Суверенность Бога над проповедью Евангелия

В 10-й главе Послания к Римлянам апостол Павел даёт обетование — но это обетование сопровождается определённым условием: «Но что говорит Писание? Близко к тебе слово, в устах твоих и в сердце твоём, то есть слово веры, которое проповедуем. Ибо если устами твоими будешь исповедывать Иисуса Господом и сердцем твоим верить, что Бог воскресил Его из мёртвых, то спасёшься» (ст. 8–9). Он провозглашает возможность спасения для всех людей при выполнении двух условий: исповедание устами и вера сердцем.

Нужно ясно понимать: библейское учение об оправдании только верой — это не учение об

оправдании только *исповеданием* веры. Библия снова и снова предостерегает нас, что человек может исповедовать веру во Христа, не обладая при этом самой верой. Сам Господь сказал: «Приближаются ко Мне люди сии устами своими и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня» (Матф. 15:8).

В конце Нагорной проповеди Христос произносит устрашающее предупреждение: многие придут к Нему в тот день и скажут: «Господи! Господи! Не Твоим ли именем мы пророчествовали? И не Твоим ли именем чудеса творили?» — а Иисус ответит им: «Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие» (см. Матф. 7:22–23).

Представьте себе, что вы стоите перед Иисусом и говорите: «Господи! Господи!» — а Он смотрит на вас и отвечает: «Извините, но Я вас не знаю. Пожалуйста, выйдите. Вам не место здесь, со Мной». Стоит подчеркнуть: никто ни разу не спасся одним только исповеданием веры.

Мы разрабатываем самые разные методы благовестия, стремясь привести людей к исповеданию веры. Иногда это выглядит так, будто мы всеми силами стараемся добиться от человека исповедания,

чтобы нам самим стало спокойнее — будто теперь он точно в Царстве Божьем. Один из самых распространённых приёмов — это призыв с кафедры, когда людей приглашают выйти вперёд, чтобы выразить своё решение следовать за Христом. Или же они могут остаться на месте, поднять руку, подписать карточку или повторить «молитву грешника». Я не считаю эти действия неправильными по своей сути, и, безусловно, в самом по себе призыве исповедать веру нет ничего плохого. Но мы должны быть крайне внимательны, чтобы ясно донести: никто не попадает на небеса только потому, что вышел вперёд, поднял руку, подписал карточку или произнёс молитву грешника. Всё это можно сделать и без спасительной веры. Проповедуя Евангелие, мы должны помнить, что оправдание происходит *по вере*, а не просто по *исповеданию* веры. Павел говорит, что мы должны исповедовать Господа устами — но при этом веровать сердцем.

Далее он пишет: «Потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению. Ибо Писание говорит: всякий, верующий в Него, не постыдится. Здесь нет различия между Иудеем и Еллином, потому что один Господь у всех,

богатый для всех, призывающих Его. Ибо всякий, кто призовет имя Господне», — то есть призовет с верой, — «спасётся» (Рим. 10:10–13).

В Иоанна 3:16 говорится: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». Мне доводилось слышать, как этот стих используют в качестве аргумента против учения об избрании и Божьей суверенности. Однако Иоанна 3:16 прямо утверждает: всякий, кто делает *A*, не получит *B* (осуждения), но получит *C* (жизнь вечную). Стих ничего не говорит о том, кто может верить или кто действительно верует. Он лишь утверждает: если человек уверует, то это приведёт к определённом результату. Поэтому мы вправе говорить любому: «Если ты всецело возложишь своё упование на Христа, ты непременно будешь спасён, и всякий, кто верует в Него, не погибнет». Но остаётся вопрос: *кто* может поверить или *кто* уверует и отдаст своё сердце Христу?

Во многих кругах евангельских христиан предполагают, что любой человек обладает способностью сделать выбор в пользу веры во Христа. Многие считают, что вера предшествует возрождению:

что человек сначала должен уверовать, чтобы родиться свыше. Но это — прямо противоположное тому, что мы утверждаем. Мы убеждены, что никто в невозрождённом состоянии никогда не уверует во Христа. Такой человек находится в состоянии духовной смерти и, будучи узником своей воли, не выберет Христа.

Как мы уже видели в главе 3, Иисус ясно учит этому: «Никто не может придти ко Мне, если то не дано будет ему от Отца Моего» (Ин. 6:65). А также: «Никто не может придти ко Мне, если не привлечет его Отец, пославший Меня» (ст. 44). «Никто» — это универсальное отрицание. Оно относится ко всему человечеству без исключения. Наш Господь говорит о всеобщей моральной неспособности падшего человека. Есть нечто, что никто по своей природе не может сделать. Он говорит: «Никто *не может*». Он не говорит: «Никому *не позволено*». Иисус имеет в виду не право, а возможность — то, на что человек способен или неспособен.

«Если не» в Иоанна 6:44 указывает на необходимое условие, без которого желаемый результат невозможен. А этот результат — приход ко Христу.

Многие полагают, что всё, что нужно сделать человеку, — это выбрать Христа. Всё, что требуется от духовно мёртвого человека, — преодолеть свое внутреннее рабство и решить уверовать. Но Христос говорит: никто не может этого сделать, если его не привлечёт Отец. Способность прийти ко Христу — это дар.

Мы уже встречаем выражение «если не» в беседе Иисуса с Никодимом о возрождении:

” *Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия... Истинно, истинно говорю тебе, если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин. 3:3, 5).*

Как всё это связано с нашим пониманием благовестия? Когда я только обратился ко Христу, я рассказывал о своём обращении каждому своему другу, каждому родственнику и вообще каждому, кого встречал. Я горел желанием благовествовать. Я хотел быть благовестником, но, как мне казалось, был самым неэффективным из всех, кого я знал. В те годы в городке, где я учился в колледже, одна местная церковь запланировала провести особое

5. Суверенность Бога над проповедью Евангелия

вечернее богослужение и пригласила на него известного проповедника. Я постарался уговорить как можно больше друзей пойти на это собрание.

Этот проповедник сказал мне: «Дай мне пятнадцать минут наедине с любым человеком — и я добьюсь от него решения в пользу Христа». Я хотел узнать, как он это делает, потому что у меня ни от кого, кроме моей девушки (которая сейчас моя жена), не получилось добиться «решения». Этот человек считал, что благовестие — это исключительно дело искусства убеждения.

И он был не одинок в своих взглядах. Возможно, самым известным благовестником XIX века был Чарльз Финней, который во многих отношениях превратил массовое благовестие в форму искусства. Однако у меня нет оснований считать, что Финней был верующим. В своих трудах по систематическому богословию он отрицал учение о первородном грехе, выступал против учения об оправдании только верой и отвергал заместительное искупление, совершённое Иисусом Христом.

Финней был откровенным пелагианином, убеждённым, что люди могут попасть на небеса, если с помощью собственного разума и силы воли

исправят свою жизнь. В своём массовом благовестии он довёл до совершенства техники убеждения, внушая людям, что, приняв решение в пользу Иисуса Христа, они смогут улучшить свою жизнь и раскрыть в себе добродетели. Он стал родоначальником различных методов благовестия, направленных на то, чтобы побудить человека сделать выбор, не будучи при этом рожденным свыше.

Я убеждён: чтобы спастись, человек должен выбрать Иисуса Христа; он должен уверовать в Иисуса Христа. Но я также глубоко убеждён, что никто не уверует во Христа и не сделает искреннего выбора в Его пользу, если прежде Бог Дух Святой не обратит его сердце из каменного в плотяное и не оживотворит его со Христом, даруя новое рождение. Сперва должно произойти это. Святой Дух должен воскресить нас из состояния духовной смерти — и только тогда мы делаем выбор и принимаем настоящее решение.

Поскольку известно, что я исповедую Реформатское богословие и верю в суверенность Бога во всём, включая благовестие, мне не раз говорили: «Кальвинизм исторически противостоял благовестию. Если ты действительно веришь в учение об

избрании, то это разрушает всякий стимул к благовестию. Ведь если Бог от вечности определил, кто будет спасён, а кто нет, — зачем тогда вообще благовествовать?» На самом же деле на протяжении всей истории именно кальвинисты стояли в первых рядах благовестнического движения. Вспомните Джонатана Эдвардса и Джорджа Уитфилда — оба были глубоко привержены кальвинистскому богословию.

Действительно, многие сталкиваются с трудностью, как совместить благовестие с суверенностью Бога. Одна из моих любимых иллюстраций этой проблемы уходит к моим студенческим годам в семинарии. Я был на семинаре, посвященном Джонатану Эдвардсу. В группе нас было восемнадцать человек: двое учились на зачёт, а шестнадцать пришли как вольные слушатели, потому что не хотели сдавать экзамены у этого преподавателя. Профессор рассадил нас полукругом и задал вопрос: «Если Бог суверенен, а избрание — вопрос установлений от вечности, то зачем вообще заниматься благовестием?»

Я обрадовался — он начал задавать вопрос с другого конца полукруга, и я был уверен, что

кто-нибудь обязательно ответит до того, как очередь дойдёт до меня.

Первый студент сказал, что не знает ответа. Второй — тоже. И я смотрел, как один за другим начинают падать домино, а моя зона безопасности всё сужается... пока в конце концов я не остался один.

Профессор посмотрел на меня и сказал: «Ну что, мистер Спрол, каково ваше мнение? Если избрание — истина, зачем тогда нам участвовать в благовестии?» Я немного запнулся, а потом сказал: «Причина, почему мы должны благовествовать, — потому что Бог повелевает нам это делать».

Он ответил с лёгкой иронией: «Верно, мистер Спрол! Разве может быть *более незначительная* причина для благовестия, чем то, что Сам Господь Бог Всемогущий и Спаситель вашей души повелел вам это делать?» Я запомнил эту историю, потому что, как мне кажется, я тогда усвоил суть.

Бог заповедал нам нести Евангелие всякому языку, племени и народу. Благовестие имеет обязательный характер для христианина. Это повеление Господа. Но дело не только в этом. Благовестие — одно из средств, через которое Бог исполняет Свою волю. Бог предопределяет не только цели,

но и средства, через которые эти цели достигаются. Благовестие — это установленное Богом средство для исполнения Его суверенной воли.

После того как Павел в 10-й главе Послания к Римлянам пишет: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасётся» (ст. 13), он задаёт ряд риторических вопросов. Первый из них: «Как же призывать Того, в Кого не уверовали?» (ст. 14). Чтобы призывать Господа о спасении, необходимо сначала уверовать, что Он действительно Тот, Кто спасает. Вы ведь не станете взывать о спасении к палке или камню, потому что знаете, что они не имеют силы спасти. Но и к Спасителю вы не обратитесь, если сначала не уверуете в Него — а не уверуете, если прежде не будете рождены от Духа, чтобы уверовать.

Далее он спрашивает: «Как верить в Того, о Ком не слыхали?» (Рим. 10:14). Мы ведь не верим, что оправдание совершается верой в ничто. Выражение «оправдание только верой» — это богословское сокращение, которое означает «оправдание только Христом». А вера, которой мы оправдываемся, — это вера в Иисуса. Он был реальным человеком, Который творил реальные дела,

прожил жизнь совершенного послушания, взял на Себя наши грехи на кресте и вменил нам Свою совершенную праведность вместо нашей греховности. Но уверовать в такого Иисуса невозможно, если человек никогда о Нём не слышал. Вот почему повеление благовествовать столь важно.

«Как слышать без проповедующего?» (ст. 14). Павел приводит нам целый ряд необходимых условий. Люди не воззовут к Тому, в Кого не верят, не уверуют в Того, о Ком не слышали, и не услышат, если некому будет проповедовать; а «как проповедовать, если не будут посланы?» (ст. 15). Проповедники не могут проповедовать, если их не отправят на проповедь; люди не могут услышать, пока кто-то не скажет им, что именно нужно услышать; они не могут уверовать в Того, о Ком никогда не слышали; и не воззовут к Господу, если прежде не уверуют.

Видите? Все эти звенья необходимы, чтобы привести человека к спасающей вере.

Затем Павел говорит: «Как написано: как прекрасны ноги благовествующих мир, благовествующих благое!» (ст. 15). Здесь он цитирует пророка Исаию, который писал: «Как прекрасны на горах

5. Суверенность Бога над проповедью Евангелия

ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость» (Ис. 52:7).

О чём говорит Исаия? В древности, когда войны отправлялись на битву, а исход сражения оставался неизвестным, вести с поля боя приносили гонцы. Вестников отправляли с места битвы, и те возвращались в селение с сообщением. Это могла быть как плохая, так и хорошая весть. Поражение — плохая весть; победа — это *евангелие*, благая весть.

Во многих городах были сторожевые башни, где стоял дозорный, вглядывавшийся в горизонт в ожидании приближающегося вестника с новостями о сражении. Дозорные настолько набили руку, что даже издали по походке могли определить, хорошую или плохую весть несёт гонец. Если гонец нёс плохую весть, дозорный замечал, как выживший тяжело переставляет ноги. Но если он видел, как ноги гонца взбивают пыль на склоне горы — он знал, что вестник мчится в город со всех ног с радостной вестью. Именно поэтому пророк Исаия говорит: «Как прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость!» Обратите внимание: сам гонец не был автором вести. Он всего лишь её передавал,

но поскольку сама весть была настолько чудесной, даже его ноги считались прекрасными.

Павел, обращаясь к словам Исаии, говорит о проповеднике Евангелия. Он прекрасно понимал, что проповедник — не главная причина, оживотворяющая души ко спасению, но он соучастник в собирании избранных. Так же, как Бог использует наши молитвы как средство благодати, чтобы приводить людей к Себе, так и проповедь Слова — это установленное Богом средство для искупления избранных. Поэтому я участвую в благовестии не только потому, что это священный долг, ради которого я должен склониться перед суверенным Богом, но и потому, что это — невыразимая привилегия: Бог доверил мне нести драгоценное послание в этом земном сосуде.

Вернёмся к началу Послания к Римлянам, где Павел пишет: «Не хочу, братия, оставить вас в неведении, что я многократно намеревался придти к вам (но встречал препятствия даже донныне), чтобы иметь некий плод и у вас, как и у прочих народов. Я должен и Еллинам и варварам, мудрецам и невеждам. Итак, что до меня, я готов благовествовать и вам, находящимся в Риме» (Рим. 1:13–15).

5. Суверенность Бога над проповедью Евангелия

Подобно апостолу Павлу, я в долгу; и этот долг — благовестие. Всякий, кто вкусил сладость Евангелия, обязан передавать это Евангелие погибающему миру. Павел продолжает:

” Ибо я не стыжусь благовествования Христова, потому что оно есть сила Божия ко спасению всякому верующему, во-первых, Иудею, потом и Еллину. В нем открывается правда Божия от веры в веру, как написано: праведный верою жив будет (Рим. 1:16–17).

Почему Павел не стыдился Евангелия? Потому что это сила Божья ко спасению. Бог определил не только цель, но и средства, которыми эта цель достигается — и Он избрал безумие проповеди как средство спасения людей.

Когда я общаюсь со служителями на пасторских конференциях, мне нравится рассказывать историю о последней проповеди Мартина Лютера. Это было зимой 1546 года. Он преподавал в Университете Виттенберга, когда к нему пришло сообщение с просьбой срочно вернуться в его родной город Эйсleben. Там произошёл конфликт между двумя влиятельными герцогами, и никто не мог их

примирить. Жители знали, что оба герцога глубоко уважали Лютера, и, возможно, если бы он приехал и выступил посредником, удалось бы восстановить мир. Хотя Лютера подводило здоровье, он откликнулся. Он приехал в родной город и выступил посредником (увы, безрезультатно).

Находясь в Эйслебене, Лютер проповедовал каждый вечер, и люди из окрестных деревень стекались в церковь, чтобы услышать знаменитого реформатора. В феврале, за два дня до своей смерти, Мартин Лютер произнёс свою последнюю проповедь. В ней он выразил глубокую тревогу за духовное состояние Германии. Он говорил, что свет Евангелия восстановлен и проповедуется каждое воскресное утро в церквях и каждый вечер на особых служениях — и всё же народ продолжает идти в те церкви, где хранятся реликвии. Он задавался вопросом, почему они это делают, — и предположил, что люди ищут силу для христианской жизни. Но Бог не в это вложил Свою силу. Сила — в Евангелии.

Сегодня большинство евангельских христиан не бегут к реликвиям. Они не ищут щепок от креста или соломы из яслей. Мы знаем, что сила не в этом.

Но всё равно пытаемся найти силу в своих проектах. Мы надеемся найти силу в методах. Когда же мы наконец поймём, что сила — в Евангелии?

Бог пробуждает души, когда Дух Святой производит веру в сердцах людей через Слово. Дух Божий действует в Слове и через Слово. Сила — в Евангелии. И если вы верите в суверенную силу Бога и дорожите благовестием, то вы будете искать силу там, куда Бог ее поместил.

Нам нужно снова и снова этому учиться — и не поддаваться искушению искать альтернативу. Сила благовестия — не в методах. Методы могут привести к исповеданию веры, но в этом есть опасность: множество людей на этой земле будут думать, что они в состоянии благодати, лишь потому что однажды исповедали веру, — но на деле они остаются мёртвыми во грехах и преступлениях, потому что никогда не были оживотворены силой Святого Духа и не возложили своего упования на Евангелие Иисуса Христа. Будем благовестниками — но будем делать Божью работу Божьим путём, уповая на силу того, что Бог наделил силой. Наши методы преходящи, но у Бога не остается бессильным никакое слово.

«Лигоньер» — это международное служение, посвященное христианскому ученичеству, которое было основано Робертом Спролом в 1971 году. Миссия «Лигоньер» — возвещать, разъяснять и защищать учение о Божьей святости во всей его полноте среди всех народов. Логотип «Библиотека Лигоньер» стал знаком доверия во всем мире и на многих языках.

Руководствуясь Великим Поручением, «Лигоньер» издает ресурсы для ученичества по всему миру в печатном и цифровом форматах. Вы можете найти наши проверенные книги, статьи и видео уроки, которые были переведены на более чем 50 языков. Мы желаем служить Церкви Иисуса Христа, помогая христианам лучше понять, во что они верят и на чем основывается их вера, а также как им жить согласно своей вере и как делиться ей с другими.

RU.LIGONIER.ORG

Имеют ли значение мои решения?

С первых страниц Библии мы знакомимся с суверенным Богом. Своей властью и силой Он сотворил мир и управляет им, чтобы исполнить Свои намерения. Но действительно ли Бог суверенен во всём, что происходит — даже в вопросе нашего спасения? И если да, то имеют ли значение наши решения?

В этой небольшой книге доктор Роберт Спрол показывает, что суверенность Бога простирается на всё — от творения до искупления. Но вместо того чтобы устранить нашу ответственность, Божья абсолютная и полная власть позволяет нам узнать Его, повиноваться Его Слову и рассказывать другим о Его спасительной благодати.

Серия брошюр доктора Спрола «Ключевые вопросы» предлагает краткие ответы на важные вопросы, которые часто задают христиане и вдумчивые ищущие люди.

Доктор Роберт Спрол был основателем служения Лигоньер, пастором-основателем церкви Святого Андрея в Сан-форде, штате Флорида, и первым президентом Реформатского Библейского колледжа. Написал более ста книг, в том числе известный труд «Святость Бога».

